

**ВРЕДНОСНЫЕ ДУХИ-УПЫРИ
В ЯЗЫЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН**

Козлов М.Н.

Севастопольский государственный университет

В исследовании приведена историческая реконструкция представлений наших предков домонгольской эпохи о вредоносных духах-упырях. Автор проследил генетическую связь между погребальной обрядностью славян и их представлениями о враждебных по отношению к человеку вредоносных духах. В статье указывается на тот факт, что в представлении наших предков существовали как воздушные упыри «навьи», так и водные «виллы».

Ключевые слова: представления, верования, погребальная обрядность, берегини, упыри, навьи, виллы.

Языческое наследие составляет неотъемлемую часть древнерусской культуры. Языческие мотивы четко прослеживаются в ремесле, строительстве, искусстве, народном фольклоре. Существенную роль оказало древнерусское язычество и на последующее формирование мировоззрения в Древней Руси раннехристианской эпохи. Глубокое изучение истории и культуры древних славян домонгольской эпохи невозможно без детального исследования языческих верований, традиций и культов.

В отечественной исторической науке с середины XVIII в. и вплоть до наших дней господствует теория о недоразвитости и ущербности восточнославянского язычества. Негативное отношение к восточнославянским дохристианским верованиям и культам возникло в эпоху христианизации Руси и было обусловлено долгим и тяжелым противостоянием между христианским духовенством и поздними язычниками. Представление о язычестве наших предков как чем-то темном и постыдным было некритично воспринято и официальной наукой. Так, еще В.Н. Татищев назвал восточнославянское язычество «мерзостью» [32, с. 12]. Несмотря на усилия многих энтузиастов, на протяжении трех столетий представления о восточнославянских языческих верованиях и культах и языческой культуре в официальной исторической науке мало изменилось. Так, современный российский исследователь А.В. Назаренко в одной из своих статей отметил: «В целом славянское язычество предстает в итоге "недооформленным", крайне аморфным и даже примитивным» [18, с. 8–9].

Вместе с тем, как свидетельствует весь комплекс существующих на данный момент исторических источников, восточнославянская языческая культура ничем не уступала античной культуре греков или римлян и отнюдь не была примитивной. Скудость же источниковой базы была обусловлена, в первую очередь, тщательным уничтожением памятников древнерусской языческой культуры на протяжении многих столетий. Абсолютно верно в этом отношении высказался финский ученый В.Й. Мансикка «Из почти полного отсутствия археологического материала, конечно, нельзя заключить, что языческий культ у восточных славян не имеет капищ, жертвенников, идолов. При таком рвении, с которым христианство уничтожало внешние признаки язычества, неудивительно, что от них и следа не осталось» [17, с. 61].

Из представления о примитивности восточнославянского язычества возникла теория о том, что отечественная культура в древнерусских землях вообще возникла одновременно с началом распространения христианства. Эта теория «культурного нуля» чрезвычайно обедняет историю отечественной культуры. Она прямо противоречит всему существующему комплексу письменных источников и материалов археологических раскопок.

Как верно заметила Н.С. Жиртуева: «*Собственно влияние византийской культуры в X–XIII вв. на Киевскую Русь было очень слабым. Христианство лишь начало завоевывать свои позиции*» [7, с. 846]. Согласно целому ряду письменных источников и данных археологии Киевская Русь уже в X в. была государством с высоким уровнем общественного, экономического и культурного развития.

По нашему мнению восточнославянское язычество было важным и закономерным этапом становления восточнославянской духовности. В эпоху распространения христианства местные языческие верования и культы наложились на привнесенные извне христианские догматы. В результате образовалось православие – основа менталитета восточнославянских народов. Восточнославянское язычество стало не только предтечей православия, но и его органической частью.

Таким образом, реконструкция восточнославянского язычества позволит нам не только более детально изучить особенности древнерусской культуры, но и глубже осознать языческую первооснову древнерусского православия.

В комплексе древних религиозных представлений восточных славян существовал чрезвычайно архаический слой, возникший еще в отдаленную эпоху истории человечества – вера во всеобщую одухотворенность окружающей природы. Очевидно, в сознании древних славян родовой эпохи окружающая природа воспринималась как часть сакральной родовой общины. Так, например, земля вокруг родового поселения, огонь, вода в колодцах воспринимались как место пребывания тотемных зверей и умерших доброжелательных предков-берегинь. Другая часть окружающей природы – лес, море, реки, озера и болота считались местом пребывания враждебных «чужих» духов и «злых тотемов», опасных для человека.

Таким образом, в сознании наших предков-язычников весь окружающий мир был населен доброжелательными и вредными духами – берегинями и упырями. Если представления о доброжелательных духах – берегинях стали предметом исследования многих отечественных ученых [11, с. 29–33; 12, с. 154–159; 25, с. 91–116; 28, с. 50–57], то культ вредоносных упырей представляет собой загадку для отечественной исторической науки. Историческая реконструкция языческих представлений восточных славян домонгольской эпохи о вредоносных духах-упырях основная цель – данного исследования.

В сознании наших предков не только дохристианской, но и раннехристианской эпох доброжелательным в отношении человека духам – берегиням противостояли вредоносные упыри. Это как свои «сородичи», по каким-то причинам не захороненные согласно местным традициями, так и чужие покойники, считающиеся у наших предков особо опасными демоническими существами. В древнерусском языке «упырь» означает «вампир», труп злого колдуна или ведьмы, который бродит ночью в образе волка или совы и убивает людей. Отечественные филологи связывают данный термин со словом «опыр» – «нетопырь» или «пирять», «прать» – в значении «бить, убивать» [36, с. 165].

Как свидетельствуют письменные источники и данные археологии, древнейшие языческие представления о доброжелательных предках-берегинях и вредоносных духах-упырях были тесно связаны с погребальной обрядностью наших предков. В погребальной обрядности первой половины дохристианской эпохи как справедливо отметил В.Я. Петрухин, отразилось представление о близости сакрального мира к миру живых. С помощью кремации умершего как-бы изолировали от мира живых людей. Похороненный недалеко от своего поселения в родовом могильнике, он остается вблизи своих потомков, защищая их от негативного влияния «чужих покойников» [20, с. 199]. Со временем он якобы мог вернуться в свою родовую общину виде новорожденного младенца.

Таким образом, находит подтверждение предположение М.В. Поповича о том, что восточным славянам-язычникам было присуще представление о цикличности и вечности бытия [22, с. 128]. К этому следует добавить, что вечное существование внутри сакральной общины должны были получить, по мнению наших предков, только успешные люди, то есть те, кто прошел сквозь все испытания и этапы человеческого существования и соблюдал все родовые обычаи. Тот, кто по собственной воле оставлял свой род, нарушал родовые запреты или просто по каким-то причинам не мог пройти сквозь все необходимые жизненные этапы, терял право на вечную жизнь и будущее возрождение, «изгонялся»

из родовой общины с помощью специальных обрядов и становился неприкаемым злым духом-упырем.

Так, большой интерес в свете исследуемой темы вызывает проблема родовых запретов – табу у восточных славян языческой эпохи. Автор «Повести временных лет» характеризует, например, обычаи древних славян VI века так: *«Поляне бо своихъ отць обычаи имяху тихъ и кротококъ. и стыденъе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ и къ матеремъ своим и снохы къ свекровамъ своимъ и къ деверемъ велико стыденъе имуще... а Деревляни живяху зверьскымъ образомъ живуще скотьскы и оубиваху другъ друга а Радимичи и Вятичи и Северъ одинъ обычаи имяху живяху в лесе яко же всякыи зверь и срамословье в нихъ предъ отци пред снохами»* [21 с.12].

Летописец, описывающий обычаи восточных славян-язычников, обвиняет большинство своих соотечественников (кроме полян) не в том, что они практикуют языческие формы браков, а в нарушении целого ряда языческих табу: отсутствия «стыдения» родственников друг перед другом, убийствах внутри родовой общины, нарушении пищевых табу. Благополучие каждого отдельного человека и рода в целом, по мнению наших предков, сохранялось лишь в случае четкого соблюдения всех родовых норм и ритуалов [2, с. 11]. В нарушении родовых табу восточные славяне языческой эпохи видели, таким образом, попытки посягнуть на благополучие рода и разрушить всю космологическую структуру бытия тогдашней человека.

Так, тяжелым грехом, по мнению автора летописи, было нарушение половых табу: отсутствие «стыдения» у древлян, северян и вятичей перед кровными родственниками иного пола: невестки перед свекром, зятя перед тещей и т.п.. Все эти «скотские» обычаи, согласно источнику, отсутствовали у полян (таких же язычников, как и их соотечественники из других племенных союзов), а, следовательно, последние строго соблюдали запреты на половые отношения между родственниками. Возможно, летописец сгустил краски, когда сообщил о том, что вышеприведенные языческие табу повсеместно нарушались во всех остальных областях восточнославянского мира. Вероятнее, что все восточные славяне имели сходные обычаи, и языческие табу нарушались лишь в единичных случаях.

Вероятно, любые половые отношения между «родственниками», то есть людьми, входящими в одну родовую общину, приравнивались к инцесту и наказывались смертью и ритуальным изгнанием из сакрального рода. Не случайно герои славянских сказок находят себе невест не в своей земле, а в «тридесятом царстве», которое располагалось сразу за пределами родового поселка, то есть на территории соседних родовых общин.

В «Летописце Переяславском» содержится информация, свидетельствующая о том, что у восточных славян карались общественным порицанием даже те девушки, которые вступали в половые отношения с парнями во время языческих игрищ. В этом источнике находим следующее: *«и собирающиеся многие на игрища межи сел, и ту слегахуся, ризиюще на плясаниа, и от плясаниа познаваху – которая жена или девица до младых похотение иматъ, и от очного взозрения, и от обнажения мышца, и от ручных показаниа, и от прьстнеи перст возлаганиа на прьсты чюжсая, таж потом целованиа с лобзанием, и плоти с сердцем ражегшиися слагахуся, а других, поругавши, метааху на насмеание до смерти»* [15, с. 117].

Таким образом, вступить в половую связь во время игрищ для девушки означало страшный позор. Она становилась объектом всеобщего «насмеяния» и издевательств, которые приводили к смерти несчастной. Возможно, позором себя покрывали все девушки, вступившие в половую связь до замужества. Не случайно Маврикий Стратег в своем сочинении утверждал, что славянские женщины считались в тогдашнем мире образцом порядочности: *«Женщины их целомудренны и очень любят своих мужчин, и если последние умрут, то они ищут себе утешение в своей смерти и добровольно убивают сами себя, не будучи в силах переносить одиночества»* [16, с. 96]. Порядочность славянских женщин отмечает и Аль-Бекри, сообщая, что, вступив в брак, они не предадут своих мужей [10, с. 56]. Кроме половых запретов летописцы упоминают также такие родовые табу, как убийство внутри родовой общины, «срамословия» и пищевые запреты.

Очевидно, у древних славян существовали определенные нормы поведения в отношении людей пожилого возраста и гостей. Среди родовых табу, упомянутых летописцем,

присутствовала и обида людей преклонного возраста. Пресвитер Гемольд, описывая обычаи одного из поморских племен, сообщает: *«Рюянам присуще в полной мере гостеприимство, и родителям они оказывают должное уважение. Среди них нигде не найти ни одного нуждающегося или нищего пожилого возраста, потому что тотчас же, как только кто-нибудь из них ослабевает из-за болезни или постареет от возраста, его вверяют заботам кого-либо из наследников, чтобы тот со всей человечностью его поддерживал. Потому что гостеприимство и попечение о родителях занимают у славян первое место среди добродетелей»* [38, с. 17].

Таким образом, обида пожилого человека или гостя у древних славян считалась большим преступлением. Тяжким грехом считалось также оставить без погребения человека, умершего в почтенном возрасте и не нарушившего языческие табу. В польских хрониках сообщается о некоем князе по имени Помпилиус, приказавшем убить своих близких родственников (дядей) и выбросить их тела в лес. Души убитых якобы превратились в мышей и сожрали коварного князя и его семью [4, с. 62].

Человек, нарушивший родовое табу, подлежал казни, а его останки также становились табу и не подлежали традиционному захоронению. У восточных славян языческой эпохи существовал обычай «изгнания» святотатца из сакрального рода. Тело человека, нарушившего языческое табу, не хоронили в общественных могильниках и на кладбищах, а выбрасывали в лес или воду (болото, реку, озеро). Лишенный традиционного захоронения святотатец должен был в таком случае превратиться в зверя, растение или стать вредоносным духом-упырем. До нашего времени дошла древняя восточнославянская легенда о брате и сестре, вступивших в половую связь и превратившихся в цветок «Иван да Марья» [13, с. 232].

Очевидно, в легенде нашли отражение реальные случаи убийства молодых людей, нарушивших половые табу в языческую эпоху. Возможно, что подобным образом наказывали и тех, кто нарушил другие родовые обычаи, например, совершил убийство внутри родовой общины. До нашего времени дошли многочисленные легенды о превращениях в растения трупов отцеубийц и братоубийц [13, с. 232].

Теряли право на традиционное захоронение самоубийцы, а также те, кто умер не «своей смертью» или оставил реальный мир до вступления в брак. Относительно всех этих покойников наши предки использовали специальные погребальные обряды, символизировавшие «изгнание из рода». Тела покойников данных категорий оставляли на перекрестке дорог, бросали в болота, реки или вешали на деревьях. Чаще всего таких покойников просто завозили в лес и закладывали хворостом, отсюда и возник термин «заложные покойники» [9, с. 62].

По мнению восточных славян, тела таких людей нельзя было хоронить в земле, поскольку считалось, что последняя все равно «их не примет». Нарушение данного табу в сознании восточных славян-язычников грозило стихийными бедствиями, засухой и неурожаем.

Несмотря на сильное давление со стороны Православной церкви, проповедующей равенство всех умерших христиан, восточные славяне и после религиозной реформы 988–989 гг. продолжали выкапывать «подозрительных» мертвецов из могил, сжигать их, вывозить в лес или бросать их тела в воду. Упоминания «сволочения» умерших можно найти во многих письменных источниках XI–XVI вв. Например, строгие наказания за выкапывание покойников из захоронений упоминались в «Уставе князя Владимира» и «Уставе князя Ярослава» [6, с. 23, 89].

О существовании подобной практики среди сельского населения Киевской Руси XII в. свидетельствует и «Грамота новгородского князя Всеволода новгородскому владыке или Софийскому собору» [5, с. 382]. В источнике XIII в. «Слово митрополита Серапиона Владимирского о маловерии» автор с большим возмущением пишет, что его паства *«заповедает кто буде удавленника или утопленника погреб, не погубите люди вигребите...»* [30, с. 13].

О невозможности борьбы христианской церкви против веры в «заложных мертвецов» свидетельствует и тот факт, что последняя вынуждена была идти на некоторые уступки в отношении нескольких категорий покойников. Например, в Новгородской первой летописи сообщается, что в 1145 г. во время наводнения недалеко от Новгорода утонули два попа, и нов-

городский епископ запретил служителям местных церквей отпевать погибших: *«В лето 6653 [1145] утопоста два попи, и не да епископъ над ними пѣти»* [19, с. 107].

В народных представлениях XVIII–XX вв. упырь – это старый дед (или баба) с желтым лицом с морщинами и красными, налитыми кровью глазами [1, с. 10]. Упырей якобы мучает сильная жажда, и поэтому они пьют ночью человеческую кровь (особенно детскую) и влагу из земли, чем вызывают смерть людей и засуху [8, с. 401].

Очевидно, особой разновидностью упырей были «навьи», то есть мертвецы, летающие по небу. Некоторые исследователи объясняют этот термин как обозначение умерших вообще [14, с. 564]. Другой точки зрения придерживался Б.А. Рыбаков. По его мнению, «навьи» – это чужие, иноплеменные мертвецы, души врагов или тех людей, которых за что-то покарала сила природы [27, с. 36].

Гипотеза Б.А. Рыбакова находит подтверждение в целом ряде письменных и фольклорных источников. В древнерусском языке термины «навье», «навь», «навка» означали не только «мертвецов», «покойников», но и души самоубийц и девушек, умерших до замужества. Древнечешское слово «нав» означает «могила», «ад» [35, с. 533].

Автор «Повести временных лет», описывая эпидемию в Полоцке, практически не сомневается в том, что ее причиной являются вредоносные мертвецы – навьи: *«В лето 6600. Предивно бысть чудо Полотьске, в мьчте: бывъшии ночи, тутън станяше, по улице яко человеци ришуще беси. Аще кѣто вылезяше ис хоромины, хотя видети, абие уязвен будяше невидимо от бесов язвою и с того умираху. И не смеяху излазит ис хором. По семь же начата в дъне являтися на коних и небе их видети самех, но конь их видети копыта. И тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тем и человеци глаголаху яко навие биятъ полочаны»* [21, с. 271–272].

«Навьи», истребляющие полочан, изображены на одной из миниатюр Радзивилловской летописи. На ней они сидят верхом на лошадях в виде демонических человекоподобных существ с крыльями птиц [37, стлб. 97]. В болгарском фольклоре «навьи» это птицеобразные души умерших, летающие по ночам в бурю, крики этих птиц означают смерть. Навьи нападают на детей и беременных женщин и высасывают их кровь [26, с. 461].

Таким образом, в сознании восточных славян весь окружающий мир был окружен не только благожелательными предками-берегинями, но и злонамеренными упырями, разновидностью которых считались птицеобразные демонические существа – навьи.

С культом упырей и берегинь у наших предков было тесно связано почитание духов – олицетворений природных стихий. Наиболее почитаемыми из них были русалки – виллы, которые считались хозяйками воды.

Возможно, что культ вилл – русалок у восточных славян и литовцев представлял собой отражение культа упырей. Не случайно древнерусское слово «вилла» близко по происхождению литовскому слову «vela», что означает «бить, догонять, преследовать» [33, с. 314]. Термин «русалка» исследователи считают производным от слова «русло», подчеркивая этим связь русалок с водной стихией [34, с. 314].

О принесении древними славянами жертв «речным нимфам» упоминает еще византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский: *«Славяне почитают реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы всем им, и по внутренностям этих жертв гадают»* [24, с. 23–24]. Схожую информацию дает и автор Новгородской первой летописи, описывая верования полян времен князя Кия: *«И бяху ж поляне; жруще озером и кладзем и рощением, яко ж прочии погани»* [19, стлб. 105].

В «Поучении философа» епископа Белгородского восточные славяне дохристианской эпохи обвиняются в том, что *«по дьявольскому наущению приносили жертвы лугам, колодцам и рекам»* [23, с. 259].

Обычай приношения жертв духам рек и озер сохранился в полной мере и в раннехристианскую эпоху. Автор «Слова некоего Христолюбца», например, возмущался тем, что его соотечественники *«верят в виллы, их же числом тридесят сестриц, глаголят окаянныя неvigласы и мнят богинями и кладут им требы и корова им молят и куры режутъ»* [29, с. 374]. В славянском глоссе «Беседы Григория Богослова об испытании града» находим следующее: *«Ов реку богинею нарицаетъ»* [3, с. 324]. Древнерусский автор XII в. в «Слове о казнях Божьих» негодует: *«жрут студеницам и рекам и веруют в боги в реках...»* [31, с. 36–37].

Запрет молиться у воды или приносить жертвы речным духам – виллам содержится в «Уставах» князя Владимира и князя Ярослава, древнерусских Кормчих книгах XII–XVI вв., «Грамоте новгородского князя Всеволода новгородскому владыке или Софийскому собору» и многих других восточнославянских письменных источниках.

Таким образом, в представлении наших предков как дохристианской, так и раннехристианской эпох во вредоносных духах – упырях видели прежде всего бывших сородичей, нарушивших языческие табу, убитых и оставленных без традиционного захоронения. Особой разновидностью упырей считались навьи – летающие по воздуху упыри, убивающие людей во время эпидемий. Виллы – олицетворения водных источников в сознании наших предков также были тесно связаны с упырями и берегинями.

Источники и литература.

1. Амфитеатров А.В. Старое в новом. СПб.: Тип. Общественная польза, 1907. 267 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 321 с.
3. Беседа святого Григория Феолога об избиении града // Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / под ред. А. Буслаева. М.: Университетская типография, 1861. Стлб. 321–325.
4. Великая Хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В.Л. Янина [перевод Л.М. Поповой]. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
5. Грамота новгородского князя Всеволода новгородскому владыке или Софийскому собору // Макарий (Архиепископ Харьковский). История русской церкви. СПб.: Тип. Юлия Андр. Бокрама, 1868. Т. 2. С. 380–383.
6. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Щапова Я.Н. М.: Наука, 1976. 240 с.
7. Жиртуева Н. Модификации византийского исихазма в культуре Киевской Руси, Московской Руси и средневекового Крыма // Философия и культура. 2015. №6 (90). С. 843–852.
8. Зеленин Д.К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Вестник АН СССР, 1917. Т. 11. № 7. С. 399–414.
9. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Т. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Прага, 1916. 312 с.
10. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб.: Изд-во АН, 1878. Ч. 1. 192 с.
11. Козлов М.М. Місце та роль тотемів-годувальників в язичницькій свідомості східних слов'ян язичницької доби // Культура і сучасність: альманах. 2010. № 1. С. 29–33.
12. Козлов М.М. Тотемі-берегині // Гилея: научный вестник. 2009. Вып. 24. С. 154–159.
13. Костомаров М.И. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства. К.: Либідь, 1994. 384 с.
14. Котляревский А.А. Собрание сочинений. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. Т. 1: Скандинавский корабль на Руси. 572 с.
15. Летописец Переяславля Суздальского // Поленов Д.В. Обзорение летописца Переяславского // Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук. 1854. Кн. 1. Отд. 3. С. 59–98.
16. Маврикий Стратег Тактика и Стратегия / перевод с лат. А.С. Цыбышева. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1903. 214 с.
17. Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН. 2005. 368 с.
18. Назаренко А.В. О язычестве эльбо-одерских славян // Религии мира: история и современность. М.: Наука, 2002. С. 8–16.
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.–Л.: Наука, 1950. 356 стлб.
20. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси в IX–XI вв. Смоленск: Русич, 1995. 320 с.
21. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
22. Попович М.В. Мироззрение древних славян. К.: Наукова думка, 1985. 167 с.
23. Поучения философа – епископа Белгородского // Соболевский А.И. Два русских поучения с именем Григория // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. Т. 12. Кн. 1. С. 254–260.
24. Прокопий из Кессарии Война с готами. О постройках / пер. С.П. Кондратьева. М.: Аркос, 1996. 513 с.
25. Рыбаков Б.А. Русалии и бог Семаргл-Переплут // Советская археология. 1967. № 2. С. 91–116.
26. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. 783 с.
27. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
28. Рябинин Языческие привески – амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 50–57.
29. Слово некоего Христолюбца ревнителя истинной веры // Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. С. 374–380.
30. Слово Серапиона Владимирского о маловерии // Серапион Владимирский. Русский проповедник XIII века // под ред. Е. Петухова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1888. С.13–15.
31. Слово о ведре и казнях божьих // Источник поучения, внесенного в Повесть временных лет и приписанных Феодосию Печерскому // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1867. Т. 1. Вып. 3. Стлб. 34–43.

32. Татищев В.Н. История Российская. М.: АСТ, 2003. Т. 1. 571 с.
33. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 573 с.
34. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 2. 672 с.
35. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.
36. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 4. 827 с.
37. Фотомеханическое воспроизведение Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 123 Стлб.
38. Helmhöldi. Chronika Slavorum, editio Bangerti. Lublin, 1862. 197 s.

References.

1. Amfiteatrov A.V. Staroye v novom. SPb.: Tip. Obshhestvennaja polza, 1907. 267 s.
2. Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kulture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov. SPb.: Nauka, 1993. 321 s.
3. Beseda svyatogo Grigoriya Feologa ob izbiiyeni gradov // Istoricheskaya khrestomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov / pod red. A. Buslayeva. M.: Universitetskaja tipografija, 1861. Stlb. 321–325.
4. Velikaya Khronika o Polshe. Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv. / pod red. V.L. Yanina [perevod L.M. Popovoy]. M.: Izd-vo MGU, 1987. 264 s.
5. Gramota novgorodskogo knyazya Vsevoloda novgorodskomu vladyke ili Sofijskomu soboru // Makarij (Arkhiepiskop Kharkovskiy). Istoriya russkoy tserkvi. SPb.: Tip. Julija Andr. Bokrama, 1868. Т. 2. S. 380–383.
6. Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv. / pod red. Shchapova Ya.N. M.: Nauka, 1976. 240 s.
7. Zhirtuyeva N. Modifikatsii vizantiyskogo isikhazma v kulture Kiyevskoy Rusi. Moskovskoy Rusi i srednevekovogo Kryma // Filosofiya i kultura. 2015. № 6 (90). S. 843–852.
8. Zelenin D.K. Drevnerusskiy yazycheskiy kult «zalozhnykh» pokoynikov // Vestnik AN SSSR. 1917. Т. 11. № 7. S. 399–414.
9. Zelenin D.K. Ocherki russkoy mifologii. Т. 1. Umershiye neyestestvennoy smertyu i rusalki. Praga, 1916. 312 s.
10. Izvestiya Al-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh. SPb.: Izd-vo AN, 1878. Ch. 1. 192 s.
11. Kozlov M.M. Misce ta rol' totemiv-goduval'nykiv v jazychny'kij svdomosti shidnyh slov'jan jazychny'koj doby // Kul'tura i suchasnist': al'manah. 2010. № 1. S. 29–33.
12. Kozlov M.M. Totemi-beregini // Gileya: nauchnyy vestnik. 2009. Vyp. 24. S. 154–159.
13. Kostomarov M.I. Slova jans'ka mifologija. Vybrani praci z fol'kloristyky i literaturoznavstva. K.: Lybid', 1994. 384 s.
14. Kotlyarevskiy A.A. Sobraniye sochineniy. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1893. Т. 1: Skandinavskij korabl na Rusi. 572 s.
15. Letopisets Pereyaslavlya Suzdalskogo // Polenov D.V. Obzreniye letopistsa Pereyaslavskogo // Uchenyye zapiski vtorogo otdeleniya Imperatorskoj Akademii nauk. 1854. Kn. 1. Otd. 3. S. 59–98.
16. Mavrikiy Strateg Taktika i Strategiya / perevod s lat. A.S. Tsybysheva. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1903. 214 s.
17. Mansikka V.Y. Religiya vostochnykh slavyan. M.: IMLI RAN, 2005. 368 s.
18. Nazarenko A.V. O yazychestve elbo-oderskikh slavyan // Religii mira: istoriya i sovremennost. M.: Nauka, 2002. S. 8–16.
19. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshhego izvoda. M.–L.: Nauka, 1950. 356 stlb.
20. Petrukhin V.Ya. Nachalo etnokulturnoy istorii Rusi v IX–XI vv. Smolensk: Rusich, 1995. 320 s.
21. Povest vremennykh let / pod red. i s pred. V.P. Adrianovoy-Peretts. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 239 s.
22. Popovich M.V. Mirovozzreniye drevnikh slavyan. K.: Naukova dumka, 1985. 167 s.
23. Poucheniya filosofa – episkopa Belgorodskogo // Sobolevskiy A.I. Dva russkikh poucheniya s imenem Grigoriya // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. 1907. Т. 12. Kn. 1. S. 254–260.
24. Prokopiy iz Kessarii Voyna s gotami. O postroykakh / per. S.P. Kondratyeva. M.: Arkos, 1996. 513 s.
25. Rybakov B.A. Rusalii i bog Semargl-Pereplut // Sovetskaya arkheologiya. 1967. № 2. S. 91–116.
26. Rybakov B.A. Yazychestvo Drevney Rusi. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1987. 783 s.
27. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnikh slavyan. M.: Nauka, 1981. 608 s.
28. Ryabinin Yazycheskiye priveski – amulety Drevney Rusi // Drevnosti slavyan i Rusi. M.: Nauka, 1988. S. 50–57.
29. Slovo nekoyego Khristolyubtsa revnitelya istinnoy very // Anichkov E.V. Yazychestvo i Drevnyaya Rus. SPb.: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1914. S. 374–380.
30. Slovo Serapiona Vladimirskogo o maloverii // Serapion Vladimirskiy. Russkiy propovednik XIII veka // pod red. E. Petukhova. SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1888. S. 13–15.
31. Slovo o vedre i kaznyakh bozhikh // Istochnik poucheniya. vnesennogo v Povest vremennykh let i pripisannykh Feodosiyu Pecherskomu // Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. 1867. Т. 1. Vyp. 3. Stlb. 34–43.
32. Tatischev V.N. Istoriya Rossiyskaya. M.: AST, 2003. Т. 1. 571 s.
33. Fasmer Maks Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. M.: Progress, 1964. Т.1. 573 s.
34. Fasmer Maks Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. M.: Progress, 1971. Т. 2. 672 s.
35. Fasmer Maks Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. M.: Progress, 1971. Т. 3. 827 s.
36. Fasmer Maks Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. M.: Progress, 1971. Т. 4. 827 s.
37. Fotomekhanicheskoye vosproizvedeniye Radzivilovskoy (Kenigsbergskoy) letopisi. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vilborg, 1902. 123 stlb.

38. Helmholdi. Chronika Slavorum. editio Bangerti. Lublin, 1862. 197 s.

* * *

Kozlov M. N. *Harmful spirits-ghouls in the pagan view of the ancient Slavs / Kozlov M. N. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XXII(VII). Series A: Antiquity and the Middle Ages. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 98–105.*

The study gives a historical reconstruction of the ideas of our ancestors from pre-Mongolian era on malicious spirits ghouls. The author traces a genetic link between the funeral rites of our ancestors and their expectation of malicious spirits hostility against the person. The article points to the fact that in the view of our ancestors there existed both aerial ghouls "navies" and water ghouls "villas".

Key words: performance, beliefs, funerary rituals, women guards, ghouls, navies, villas.